

ДИАЛОГ

БЕСЕДА С ИШТВАНОМ МАДЬЯРИ-БЕКОМ

«БУДУЧИ ЛЮДЬМИ ЦИВИЛИЗАЦИИ, МЫ МНОГОЕ ЗАБЫЛИ О КУЛЬТУРЕ»

Известный венгерский психолог, профессор-emeritus Будапештского университета им. Корвинуса, профессор Международного центра исследования перспектив творчества (университет штата Нью-Йорк в Буффало) Иштван МАДЬЯРИ-БЕК в 2011 году предложил мировому научному сообществу новую, несколько необычную для гуманитарного исследования тему – гигиена культуры. Этим понятием венгерский учений обозначил культурную составляющую реакций осознавшего себя социума на глобальные вызовы современности. Тема эта собрала уже четыре международных конференции. На последней из них, прошедшей в Будапеште минувшей осенью, профессор Мадьари-Бек побеседовал о своем учении с профессором Воронежского университета доктором культурологии Тамарой ДЯКОВОЙ.

Т.Д.: Мой первый вопрос связан с осмысливанием термина «гигиена культуры». Здесь вот в чем дело. Даже если не вдаваться в смысл этого понятия, а просто исходить из семантики, то возникает много вопросов. Что значит гигиена? Если понимать ее в прямом значении слова, то определяется некая система профилактических мер, борьба за чистоту. Это, конечно, очень важно, но этот путь приведет нас к определению некоего общего порядка жизни, к тому, что называется цивилизацией, а не культурой. Если же мы будем трактовать гигиену в иносказательном смысле, то под это определение больше подходит какой-то социальный смысл. Например, чистота культуры через сохранение ее национальной идентичности и т.д. В силу этой двойственности термин «гигиена культуры» воспринимается с трудом. Во всяком случае, русской языковой традицией. А какой смысл в это понятие вкладываете Вы?

И.М-Б.: Думаю, что это традиционный взгляд на явление, о котором идет речь. Под гигиеной культуры не надо понимать отчужденную от жизни стерильность каких-то понятий. Культура, на мой взгляд, является гигиенической в том случае, если она не заражает общество чудовищными мыслями и эмоциями, ведущими к психологическим и физиологическим заболеваниям, которые, в свою очередь, уродуют и убивают человека. И никакое самое блестящее здравоохранение со всеми его новейшими методами профилактики не в состоянии противостоять тем искажениям культуры, которые причиняют человеку страдания. То есть культуру следует признать неким целым, а здравоохранение – лишь частью. Поэтому вопрос гигиены культуры можно сравнить с хорошо известным гамлетовским вопросом о жизни и смерти человека.

Т.Д.: В том смысле, что смерть может быть обусловлена не только физиологическими причинами,

но и социальными, социокультурными обстоятельствами...

И.М.-Б.: ... а еще психологическими, медицинскими ошибками – у смерти огромный спектр разнообразных причин.

Т.Д.: Для меня совершенно очевидно, что, вводя понятие гигиена культуры, мы тут же сталкиваемся с вопросом: как различать явления цивилизации и культуры? Это же разные вещи.

И.М.-Б.: Эти понятия и те процессы, которые они предполагают, – безусловно, разные. Культура – это внутренний психологический порядок. То есть наши чувства, мышление, настроение, эмоции – это культура. А цивилизация – это средства. Средства не могут быть совершенными. Поскольку в них заложено слишком много энтропии (возьмите тот же интернет). Вот почему человек теряет дорогу в лабиринте цивилизаций.

Т.Д.: Исходя из этого, получается, что комплекс задач, который стоит перед гигиеной культуры, должен быть связан не только с выработкой каких-то общечеловеческих принципов, характерных для современной жизни вообще. Это еще и поиск конкретных ответов на вопросы о том, как должна выглядеть каждая культура в отдельности. В чем будет ее уникальность и как эту уникальность культуры сохранить.

И.М.-Б.: Можно говорить о медицинской культурной уникальности. Это подтверждается последними открытиями в области генетики. Согласно им, человеческий геном является здоровым только в двух процентах своего состава (об этом подробно говорится в книге знаменитых американских биологов Уотсона и Берри «ДНК: секрет жизни», вышедшей в 2003 году). Разумно предположить, что повреж-

дения появились не в ходе истории человечества, а на заре антропогенеза, когда определённая часть приматов – будущие люди, – не имея возможности использовать свои инстинкты в новых надземных условиях, теряли не только биологически обоснованные навыки, но и саму биологическую базу этих инстинктов. То есть большую часть генома. Однако нашим далеким предкам удалось заменить пропадающую генетическую программу искусственной. И эту программу мы будем называть культурой, которая передается из поколения в поколение путем обучения. Я часто говорю моим студентам, что они, составляя конспект моих лекций, создают для себя искусственные гены, материальным субстратом которых является тетрадь или ноутбук.

Увы, биологическая сущность человека, его натура выражается в том хаосе, который постепенно разрушает и, в конце концов, убивает любую культуру. Как ни странно, историю человечества можно охарактеризовать не только возникновением все новых и новых культур и цивилизаций, но в той же мере равномерно повторяющимися упадками исчезавших себя культур и цивилизаций. Почему это происходит? Да потому, что каждая специфическая культура является несравненно более неустойчивой программой и в пространстве и во времени, чем генетическая программа.

Нормальные гены тоже постоянно меняются, однако, несмотря на это, растения и животные способны жить только в определенных условиях. По-видимому, определённые константы не допускают революционные взрывы в геноме. Но вот человек, наперекор ограниченности своих специфических культур, сумел занять весь земной шар. Случилось это в силу того, что он открыл возможность множества культурных программ, которые вместе создают универсальную на этом земном шаре культуру.

При этом абсолютно ясно, что человек без культуры совершенно не жизнеспособен и тонет в своем внутреннем хаосе. Вот почему я считаю, что открытие культуры было самим важным результатом раннего человечества. И, скорее всего, этот результат неповторим. Если черным силам истории удастся уничтожить культуру, мы – люди – пропадем раз и навсегда. Вот почему я считаю, что культура имеет медицинский аспект и медицинское значение, и мы, безусловно, имеем право поставить перед наукой вопрос о гигиене культуры. Не нужно быть врачом, чтобы принять подобный подход. Представители общественных и естественных наук, искусствоведы и философы – словом, все гуманитарии – способны найти доказательства этого факта. И сумма этих

доказательств даст нам логические инструменты и эмпирические данные, с помощью которых можно заметить положительные и отрицательные влияния того или иного фактора и направления культуры на человеческую жизнь.

Т.Д.: Любая теория, как правило, появляется в результате осознания какого-то личного опыта. Раскройте секрет: какой такой опыт помог вам произвести на свет мысль о гигиене культуры?

И.М.-Б.: Несколько лет назад я преподавал в Будапештском католическом университете Петера Пазманя [кардинал, венгерский философ рубежа XVI–XVII вв., оратор, положивший начало венгерской литературной прозе. Основатель университета, носящего ныне его имя. – *ред.*]. Там была небольшая группа студентов, которым я читал курс библиотерапии. И вот, разрабатывая учебную программу этой дисциплины, я неожиданно пришел к мысли о гигиене культуры.

Т.Д.: Библиотерапия – это, насколько я понимаю, что-то похожее на лечение книгами?

И.М.-Б.: Совершенно верно.

Т.Д.: А что, на ваш взгляд, можно лечить книгами?

И.М.-Б.: Книгами лечится не только депрессия, но и телесные и душевные заболевания, потому что под влиянием конкретных текстов могут возникнуть органические изменения в организме человека.

Т.Д.: В этом своем открытии – гигиене культуры – вы видите каких-то предшественников?

И.М.-Б.: На самом деле, этими проблемами много кто занимался после Аристотеля. Его я вообще считаю основателем учения о гигиене культуры. Ведь именно Аристотелю принадлежит открытие и описание психологического и эстетического влияния текста пьесы на зрителя – катарсис. Это аристотелевское поклонение гигиене культуры продолжалось несколько столетий. А потом Европу накрыл куль болезней.

Появился он во Франции, благодаря Бодлеру. Вообще этот куль по началу был очень популярен в латинских странах, его описали Густав Ле Бон и Ортега-и-Гассет. А потом он стал популярен в Германии. Благодаря, прежде всего, Шпенглеру и Томасу Манну, у которого есть программный роман – «Доктор Фаустус». Герой этого романа, начинающий музыкант Адриан Леверкун, чтобы стать гением, решает начать карьеру в публичном доме. Он выбирает себе женщину, которая, как он знает, больна сифилисом. И когда он заражается от нее болезнью, он обретает счастье: талант, уверен он, не может быть здоровым.

Или взять, к примеру, Фрейда, который вообще всех нас считал больными людьми, в основном, истериками. Его ученики, развивая это тезис, искали болезни, которые помогают людям преуспевать в творчестве.

Т.Д.: При этом один из учеников Фрейда – Эрих Фромм – оспорил эту позицию своего учителя. И он доказал, что причина деструкции личности находится в социуме, а не в каких-то изначальных болезнях...

И.М-Б.: Фромм стал тем самым ученым, который первым заговорил о невротическом социуме.

Т.Д.: Вот эта мода на болезни, она, на Ваш взгляд, оказала негативное влияние на развитие Европы?

И.М-Б.: Она разрушила Европу. И, кстати, Евросоюз – наглядный пример этого. Невозможно соединить болезненные части в единое целое. И то, что европейские страны все более и более становятся националистическими – это симптомы заболевания.

Т.Д.: Можно ли говорить, с точки зрения гигиены культуры, о том, что какой-то период в истории мировой культуры был ошибкой?

И.М-Б.: Любой из них содержит как положительные, так и отрицательные последствия. Когда мы говорим о классицизме, то всегда помним, что он привнес в культуру порядок. Заслугой романтизма стало провозглашение свободы чувств. А что можно поставить в заслугу модернизму? Принято почему-то считать, что модернизм появился в мире на волне французской революции. Это глупость. Модернизм – это соответствие человека и общества времени. То есть современности. Есть люди современные, говоря по-иностранныму, «модерные», которые занимаются вопросами своей эпохи. Есть «пре-модерные», которые занимаются вопросами, которые уже решены. Это такой особый случай отсталости. А есть «пост-модерные» люди, которые пропадают в будущем, теряя связь с реальностью. Они могут быть очень полезными. Потому что если они исследуют будущее удачно, предлагают какие-то варианты нам, – тогда это будет подлинное творчество. Возможность увидеть старое в новом контексте обновления.

Но здесь тоже есть свои риски. Мне кажется, что ведущие слои обществ современных цивилизаций развязали перманентную революцию в духе троцкизма против своих же подданных путем огромного количества инноваций, которые дестабилизируют общество больше, чем это делалось во времена народных смут или нападения на страну иностранных войск. Только применяемое оружие является другим. Сегодняшняя элита пользуется, прежде всего, экономическими, юридическими средствами и информатикой. Эти средства требуют больших знаний и высококомпетентных органи-

заций. Простой народ, защищающий свои традиции и свою культуру, как это делали высшие слои исторических обществ в прошлом, пока является совершенно беспомощным в борьбе против перманентных революционеров экономической, юридической и информационной элиты. Тем более что народ расченен распространением либеральных идей и учреждений так называемой рыночной экономики. С другой стороны, уровень обучения (и с ним креативность населения) в «передовых» цивилизациях мира – падает.

Т.Д.: Одна из проблем, которая была уже обозначена во время нашего разговора – энтропия. Я так понимаю, что эта проблема прямо нас выводит к современной урбанистике, к вопросу о перенаселении городов, к вопросу о той хаотичности, которая сегодня царит в мегаполисах... Видите ли вы какие-то пути решения этой проблемы?

И.М-Б.: Надо разрабатывать стратегию разрушения слишком больших городов. Есть очень хорошее средство для этого – природа. Надо «пускать» растения в те городские места, которые мы уже не используем, которые уже не имеют никакой пользы для человека, для людей. В этих уголках города надо создавать сады. Не допускать, – если можно, то даже и правовыми средствами, – чтобы агломерации становились городами, пусть остаются между ними полосы – зеленые зоны.

Т.Д.: Такая программа предполагает создание внутри городов совершенно иной социальной системы, пересмотря самого принципа трудовой занятости населения. Потому что если у нас город будет рассечен вот этими зелеными зонами, то, соответственно, поменяется сама инфраструктура города.

И.М-Б.: Причем, инфраструктура в двух смыслах – внешняя и инфраструктура внутри человека. И могут создаться даже новые специальности. Урбанистика должна меняться.

Т.Д.: Это напоминает античные города-полисы. Поскольку это были не города, в привычном смысле этого слова. Полисы объединяли людей, которые занимались ремесленным и сельскохозяйственным трудом одновременно. То есть собственно город, как отделенное пространство, отделенное от природы стенами, появляется только в средние века. Не получается ли, что мы возвращаемся к некой античной модели?

И.М-Б.: Есть еще один слой общества, который занимался работой вместе с ремесленниками. Это крестьяне. Но если мы посмотрим на сегодняшних крестьян, скажем, в Средней Европе, и крестьян в Западной Европе – это совершенно разные люди.

Потому что в Западной Европе крестьяне уже работают на компьютере, а, скажем, у нас в Венгрии – они старомодные. Впрочем, я отношусь к тем, которые считают, что надо возродить ручную работу. Потому что если люди не будут свою энергию расходовать на труд, они станут расходовать ее на разные криминальные «подвиги».

Т.Д.: Скажите, а вот эти ваши выводы о культуре и человеке – они как-то соотносятся с выводами антропологов, ведутся ли здесь, в Европе, исследования относительно того, как мы меняемся физиологически? Насколько глубоко мешают нашему физическому развитию социальные изменения?

И.М-Б.: Ошибочно утверждать, что человек не меняется физиологически. Он, конечно же, меняется. И все эти ренессансы – они были не раз, и не только в эпоху Возрождения. Ренессансом была и Реформация, потом Просвещение и французская революция... И всё это сопровождалось развитием больших полушарий человеческого мозга. И, прежде всего, кортекса, группы нейронов, расположенных в коре головного мозга. И все эти процессы изменения можно зафиксировать с помощью гигиены культуры.

Т.Д.: Скажите, а каковы перспективы этого направления? Будет ли оно востребовано в системе образования? Потому что лучший путь дать новому направлению научное развитие – превратить его в педагогическое направление. Есть ли в сегодняшней Венгрии потребность в подобного рода обязательных курсах или спецкурсах?

И.М-Б.: Пока еще такая дисциплина не преподается.

Т.Д.: Но интерес к ней существует?

И.М-Б.: В Венгрии – пока нет.

Т.Д.: Как вам кажется, для того, чтобы это направление заработало эффективно как научное направление, чтобы оно вышло только за рамки научной конференции, интересов одной конкретной исследовательской группы – что нужно? Какие научные дисциплины должны подсоединиться сюда в качестве вспомогательных? Кто здесь необходим со своим комплексом методов, исследований?.. Могу предположить, что, наверное, это, прежде всего, антропологи...

И.М-Б.: Антропологи, врачи, учителя, педагоги, офицеры...

Т.Д.: Офицеры?!

И.М-Б.: Да, ведь они являются учителями своих солдат. Ну и социологи, конечно... Я только дал толчок к этому движению. И люди, я думаю, через 50 лет уже вовсю будут заниматься вопросами гигиены культуры. Потому что, например, в Европе демографический уровень воспроизведения социума – на грани краха... Западная культура сходит с исторического пути и исчезает. Потому что не только в Европе, а в тех местах, где европейская культура появляется, там рождаемость снижается. Моя студентка из Ирана, Машид Моради, показала мне одну из своих работ. Я сказал ей: пока не публикуй. Потому что там содержатся вещи, абсолютно резкие в политическом смысле. Она там обнародует убийственные факты: к примеру, двадцать лет назад рождаемость в Иране была необычайно высока – в среднем семь детей на одну мать. А сегодня – 1,9 детей. Так что Иран, изменяясь в цивилизационном смысле, развиваясь по-европейски, расплачивается за это своей демографией.

Происходит так потому, что культура является не только теоретическим понятием, но и практическим, pragmatическим явлением тоже. И как таковое имеет измеряемые с большой точностью параметры. Эти параметры связаны, в том числе, и со здравоохранением в медицинском смысле, и с гигиеной в ментальном и эмоциональном смысле. Причем здравоохранение является частным случаем проблематики гигиены культуры. Где ценится здравоохранение, там уважают и гигиену любого типа.

Правда, в развитых цивилизациях наблюдается борьба за гигиенические условия в мышлении, эмоциональной жизни и поступках людей в рамках психотерапии. Однако в этих же обществах культура вымирает и уступает свое место бездушной цивилизации. А психотерапия получает роль своего рода гетто оздоровительной культуры. На наш взгляд, пора высвободить культуру из ученьих кабинетов психотерапии и поставить терапевтический аспект культуры на свое место. Эта идея, как мы уже отметили, не является новой. Ею пользовались греки глубокой античности, о чем мы просто забыли. Будучи людьми цивилизации, мы многое забыли о культуре.